
РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-126-137

УДК 801.73

ЭНТРОПИЙНОСТЬ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНОВ «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА И «ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА» Г. УЭЛЛСА

Долженко С.Г., Корбан П.А.

Цель. В представленной работе исследуется достаточно распространенная в литературе идея стремления к хаосу, именуемая энтропийностью, на материале научно-фантастических романов «Мы» Евгения Замятина и «Человек-невидимка» Г. Уэллса. Целью исследования является отражение лингвостилистических особенностей передачи идей энтропийности и текстостилистических связей произведений научной фантастики.

Методом исследования был избран компаративный анализ. Основу описания энтропийности составили как литературоведческие труды Е. Замятина, так и работы ученых естественнонаучного цикла.

Результаты. Была выявлена специфика вопроса стремления к хаотичности в научно-фантастическом тексте, анализ которой проводился по формуле канадского астрофизика Х. Ривза. Были подробно рассмотрены способы трансляции идей энтропийности через метафорическую образность; выделены прочие приемы декорации фантастического текста. Изучение лингвостилистической стороны явления энтропийности и его отражения в художественном

тексте проводилось в непрерывной связи с материалами романов и подчеркивалось примерами из них.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены при комплексном анализе научно-фантастических произведений.*

Ключевые слова: *энтропийность; научно-фантастический роман; текстостилистическая связь; лингвостилистические особенности передачи авторской мысли.*

THE ENTROPY OF THE MAIN CHARACTERS OF THE NOVELS "WE" BY YEVGENY ZAMYATIN AND "THE INVISIBLE MAN" BY HERBERT WELLS

Dolzhenko S.G., Korban P.A.

Purpose. *The presented article is the study of the concept of entropy, being a widely spread notion in the fiction, as based on the texts of the novels *We* by Yevgeny Zamyatin and *The Invisible Man* by Herbert Wells. The purpose of the research is to reveal the linguo-stylistic features of transferring the ideas of entropy as well as textual-stylistic connections of science fiction works.*

Methodology. *The basis of the research is the comparative analysis method. The theoretical aspect of the entropy description is taken from Y. Zamyatin's literary works and the articles by the natural-science scholars.*

Results. *The specificity of the phenomenon "entropy" in the science fiction text is revealed and described according to the formula by H. Reeves, a Canadian astrophysicist. It is the ways of expressing the author's entropic ideas through metaphorical imagery that are considered in detail. The research of the linguo-stylistic aspect of the presented phenomenon and its reflection in the literary text is carried out relating to the materials of the novels under study.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the complex analysis of science fiction works.*

Keywords: *entropy; science fiction novel; textual-stylistic connection; linguo-stylistic features of the author's thought transferring.*

Введение

В наши дни термин «энтропия» можно встретить все чаще. Корни данного понятия можно проследить в области естественных и точных наук, однако термин употребим не только в этих сферах. Науки гуманитарного, социально-гуманитарного циклов также ассимилировали это явление, модифицировали его и наделили собственными уникальными чертами. Важно отметить частое употребление представленного понятия в публицистике. Обозначая общие понятия меры хаоса и неупорядоченности, термин неоднократно находил употребление в повседневной жизни.

Данное исследование затрагивает проявления энтропийности в сфере научно-фантастической литературы, и, в частности, двух романов конца XIX – начала XX вв. – «Мы» Е.И. Замятина и «Человек-невидимка» Г.Дж. Уэллса.

В исследовании будут рассмотрены черты энтропийности главных героев фантастических произведений. «Мы» Е. Замятина – это роман-антиутопия, «Человек-невидимка» Г. Уэллса относится к разделу научной фантастики. Произведения имеют общие черты на семасиологическом уровне языка, что обуславливает их выбор для исследования.

Неисследованность стилистического и текстологического аспектов энтропийности главных героев указанных выше романов позволяет считать данную исследовательскую работу актуальной.

Энтропийность в литературе

Изучение энтропийности литературы в первую очередь связано с именем Е. Замятина. В статье «О литературе, революции, энтропии и прочем» автор отмечает основные признаки литературной энтропийности: «И холоден, синь как лед, как ледяные межпланетные бесконечности – закон энтропии. Пламя из багрового становится розовым, теплым, не смертельным, а комфортабельным...» [5, с. 246]. Понятие «революция» ставится в конфликт понятию «энтропия»; в замятинской концепции определяется негативная направленность энтропийности литераторов и их произведений.

Статья «О литературе, революции и энтропии» Е. Замятина помогает определить общее понятие «энтропия», которое может быть применимо к компаративному исследованию романов «Мы» и «Человек-невидимка». Это определение коррелируется как с естественнонаучными терминами, так и понятием «революция» в трактовке Е. Замятина: «Справедливо рубят голову еретической, посягающей на догмы литературе: эта литература – вредна. Но вредная литература полезнее полезной: потому что она – антиэнтропийна» [5, с. 247].

Энтропия – мера неопределенности, ведущая к хаосу. Энтропийность фабулы антиутопического произведения определяется, прежде всего, сменой мировоззренческих позиций протагониста, ведущей к кульминации произведения путем столкновения ортодоксального порядка и революционных настроений.

Черты энтропийности можно проследить во многих литературных персонажах, главным образом участвующих в сюжете произведения. В качестве объекта исследования приведем главных героев пророческих романов-антиутопий «1984» Дж. Оруэлла и «О дивный новый мир» О. Хаксли и главных героев исследуемых произведений, потому как энтропийность этих героев проявляется, прежде всего, в отклонении от ортодоксального миропонимания устройства общества.

Энтропийность героев можно рассмотреть через призму естественнонаучной формулы канадского астрофизика Х. Ривза: «борьба против уравнивания температуры, против непреклонного движения к инерции рождает новую энергию путем “изменения режима”» [15, с. 203], где «непреклонное движение к инерции; уравнивание температуры» – это догматизация, ортодоксия, а энтропия – это «борьба против» [15, с. 203]. Вот эта «новая энергия» и может быть интерпретирована как исход, логичный результат энтропийности героя.

Роман Е. Замятина «Мы» – классическая антиутопия, отражающая все свойственные стилю черты. В романе описываются события, происходящие в Едином Государстве, месте, украшенном лучшими художественными чертами антиутопии, такими как: жесткая орга-

низация социальной иерархии, времени каждого; обезличенность перед государством, тотальный контроль и прочие. Главный герой Д-503 чувствует себя важной частью Единого Государства, не допуская и мысли об обратном миропонимании, хаосе. Противопоставляя себя «древним» людям, жившим до Единого Государства, Д-503 видит идеал ежедневной жизни в прозрачности, определенности, разграниченности, что можно назвать «уравновешиванием температуры, инерцией» согласно формуле Х. Ривза.

Еще одна важная черта антиутопии как жанра – протест против действительности. Такой протест может быть интерпретирован как попытка перехода из состояния покоя, определенности, инерции в состояние неопределенности и хаоса. Именно «изменение режима», приведенное в формуле Х. Ривза, следствием которого является «новая энергия», наблюдается в романе «Мы» и может быть трактовано как энтропийность героя. «Новая энергия» здесь – это «Мефи», группа революционеров, попытавшихся свергнуть Единое Государство на Дне Единогласия, проголосовав впервые за сотни лет «против». Именно в этой попытке протеста проявился массовый хаос и беспорядок – главные признаки энтропии.

Подобное стремление к хаосу отражено не только в романе «Мы» и в упомянутых выше антиутопиях, но и в литературных произведениях других литературных жанров. Стремление к изменению принятого порядка, к хаосу определяет кульминацию многих произведений.

Черты энтропийности можно также заметить у протагониста научно-фантастического романа «Человек-невидимка» Г. Уэллса. Гриффин, крайне талантливый ученый-физик, изобрел машину, делающую человека невидимым и успешно испытал ее на себе. Отчуждение от общества, порядка пришло с осознанием возможностей его изобретения.

Гриффин – молодой ученый, стоящий на грани грандиозного открытия, которое сделает из него сверхчеловека. Процесс научной деятельности, как и ее итог, сопровождается яркими, крайне насыщенными, в какой-то степени гротескно изображенными эмоциями

персонажа. Этим приемом автор создал уникальный образ и точно передал чувства своего героя, приобретшего негативный «окрас» через энтропийность своего поведения, решений.

Энтропийность здесь является итогом научной деятельности человека. Пренебрежение нормой имеет место, когда гений осознает первостепенность своего изобретения перед общим порядком. Действия, приведшие к пренебрежению порядком, породили хаос вокруг главного героя, что, в конечном итоге привело к его смерти.

Энтропия в поведении Гриффина образовала его образ как одного из самых известных злых гениев мировой литературы, стоящего в одном ряду с созданиями авторов-фантастов М. Шелли, И.В. фон Гёте, Г. Уэллса, Р.Л. Стивенсона и др. Поведение протагонистов произведений данных авторов приводит к разрушению устоявшегося порядка, что можно интерпретировать как энтропийность. Что характерно, авторы не заканчивают повествование хаосом, в конце произведений порядок, разрушенный энтропийностью протагониста, восстанавливается: монстр Франкенштейна, как и сам Виктор Франкенштейн, погибают, доктор Фауст, трудясь во благо людей до конца своих дней, попадает в рай, доктор Моро погибает от рук своих творений, которые в итоге приходят к изначальному порядку – к животному состоянию.

Похожую концовку можно увидеть и в романе «Мы». Д-503 в финале романа уверен в своей правоте: «...на поперечном, 40-м проспекте удалось сконструировать временную Стену из высоковольтных волн. И я надеюсь — мы победим. Больше: я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить» [6, с. 560].

Еще один пример проявления направленности к хаосу как основополагающей идеи литературного произведения можно найти в пятой части романа «Облачный атлас» современного английского новеллиста Д. Митчелла. В части романа, получившей название «Оризон Сонми-451», нашли выражение главные антиутопические концепции 20 века. Эти идеи были ярко транслированы через насыщенный риторическими приемами текст. «Оризон Сонми-451» может по праву считаться кульминационной составляющей произ-

ведения в целом: через стремительно разрушающийся мир автор передает основные мысли романа.

Здесь, как и в упомянутых выше романах-антиутопиях, стремление к хаосу выражено в противостоянии установленному и принятому порядку вещей и ортодоксальной истине: «...на тебя будут плевать, в тебя будут стрелять, станут линчевать, умиротворять медалями, напускать на тебя выходцев из глухомани! Распинать! Наивный, мечтательный Адам. Тот, кто пускается в битву с многоголовой гидрой, должен заплатить за это целым морем страданий...» [11, с. 703].

Языковые средства репрезентации энтропийности

Энтропийность в романах антиутопического жанра находит свое выражение в метафоричности образов. Идеи энтропийности в романе «Мы» прослеживаются в тени концепции тоталитарного мира, изображаемого автором. В то же время произведение насыщено стилистическими приемами, подчеркивающими не только идеи автора и его особый слог, но и энтропоцентричность: «Замятинские разрывы синтаксических конструкций, его оксюмороны, исключительная частота незаконченных предложений, своеобразное использование «телескопической пунктуации» (краткие и двойные долгие тире <...>), постоянное использование двоеточий – все это, конечно, принадлежит к специфически замятинскому типу сказа, репродуцирующему «язык мысли»» [8, с. 103].

Е. Замятин подчеркивал идеи антиутопии авторскими неологизмами, историзмами, оксюморонами, терминологической лексикой. Опорным выразительным средством речи автор избрал метафору, которая помогает ему в выделении противоречивости жизни гражданина Единого Государства и создании особых образов людей и событий: «Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330 (вижу теперь ее номер); налево – О, совсем другая, вся из окружностей, с детской складочкой на руке; и с краю нашей четверки – неизвестный мне мужской номер – какой-то дважды изогнутый вроде буквы S. Мы все были разные...» [6, с. 9]. Более того, метафора передает синтезавторских мыслей и эмоций: «...Да, чу-

десно, весна, – *розово* улыбнулась мне О-90...»; а также помогает в создании иронического и драматического эффекта: «Часовая Скрижаль – каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы» [6, с. 45].

Изучая идиостиль автора романа «Человек-невидимка», можно отметить, что, как и в современных научно-фантастических произведениях, авторская метафора является главным инструментом транслирования художественного образа и превалирующим стилистическим приемом.

Некоторая метафоричность заключена в самом понятии «невидимость». Отчуждение отдельного человека любым обществом делает его «невидимым», тем самым уравнивая понятия «невидимость» и «одиночество». Именно эти ощущения составляют буквальную действительность Гриффина. Он не принят обществом, невидим социально равно также, как и невидим оптически.

Метафорична и сема «sight» в значении «взгляд, вид»: «...*vision* of all that *invisibility* might mean to a man...» [16, с. 103].

«Sight» или «vision» можно также понимать как возможность предсказания, способность видеть будущее. Показывая всю энтропийность современной автору науки, метафорически отражая его в поведении Гриффина, Уэллс обращает разум читателя к тому, чем может обернуться научный прогресс: «Science! What we want now is socialism – not science» [12, с. 254].

Однако не следует утверждать, что Уэллс был, безусловно, убежден в деструктивности науки. В его романе «Война миров» человечество предотвратило свое истребление именно с помощью высокотехнических технологий.

Наследие Герберта Уэллса придало научной фантастике реалистичные черты. Нельзя сказать, что сюжеты его произведений реалистичны, но стиль письма – определёнno: «O! Realist of the Fantastic!» [13, с. 200].

Заключение

Перечисленные выше художественные приемы позволили авторам романов предельно точно передать как в прямом смысле, так

и метафорически, аллегорически идеи, ведущей из которых среди транслируемых читателю мыслей, явилась энтропийность поведения. В соответствии с вышеприведённым исследованием делается вывод об энтропийности поведения протагонистов исследуемых романов с разным стилевым окрасом. В первую очередь, авторы наделили произведения актуальными идеями и мыслями своего времени, однако одновременно очевиден и концепт развития хаоса в существующем ортодоксальном порядке, чему свидетельствует наличие в романах примеров репрезентации энтропийности на стилистическом уровне и на уровне смыслов.

Список литературы

1. Аксёнова Н.В., Хатямова М.А. Герберт Уэллс в рецепции Евгения Замятина // Сибирский филологический журнал. 2014. №1. С. 38–43.
2. Ватутина А.С. Энтомологические образы в фантастике: Г. Уэллс и А. Толстой // Вестник Томского государственного университета. 2013. №1. С. 47–50.
3. Видгоф В.М. Метафорическое мышление в культуре как педагогическая и научная проблема // Вестник Томского государственного университета. 2003. №277. С. 87–90.
4. Долженко С.Г. Репрезентация культур в романах «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла // Молодой ученый. 2015. №9.1. С. 23–26.
5. Замятин Е.И. О литературе, революции, энтропии и о прочем // «Лица». Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967. С. 322.
6. Замятин Е.И. Мы. М.: Современник, 1989. 560 с.
7. Кубракова Е.А. Типология художественных образов и проблема их перевода // Новый филологический вестник. 2016. №2(37). С. 140–155.
8. Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э. О синтетизме, математике и прочем... Роман «Мы» Е.И. Замятина. СПб.: Астра-ЛЮКС, 1994. 120 с.
9. Менглинова Л.Б. Апокалипсический миф в русской прозе 1920–1930-х годов (Е.И. Замятин, М.А. Булгаков, А.П. Платонов) // Вестник Томского государственного университета. 2004. №282. С. 173–181.

10. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? // Вестник Томского государственного университета. 2010. №3(23). С. 126–131.
11. Митчелл Д. Облачный атлас. СПб.: Домино, 2012. 704 p.
12. Jean-Aubry G. Joseph Conrad: life and letters. New York: Doubleday, Page & Co., 1927. 376 p.
13. Huntington J. The H.G. Wells Reader: A Complete Anthology from Science Fiction to Social Satire. New York: Taylor Trade Publishing, 2003. 496 p.
14. Del Rey L. The World of Science Fiction, 1926–1976: The History of a Subculture. United States: Ballantine Books, 1979. 416 p.
15. Reeves H. L'Heure de s'enivrer: L'univers a-t-il un sens? Paris: Broché; Seuil edition, 1992. 278 p.
16. Wells H.G. The Invisible Man. London: Penguin Books, 2002. 192 p.

References

1. Aksjonova N.V., Hatjamova M.A. Gerbert Ujells v recepcii Evgenija Zamjatina [Herbert Wells as perceived by Yevgeny Zamyatin]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2014. №1, pp. 38–43.
2. Vatutina A.S. Jentomologicheskie obrazy v fantastike: G. Ujells i A. Tolstoj [Entomological imagery in science fiction: H.G. Wells, A. Tolstoy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. №1, pp. 47–50.
3. Vidgof V.M. Metaforicheskoe myshlenie v kul'ture kak pedago-gicheskaja i nauchnaja problema [Metaphorical way of thinking as a pedagogical and scientific issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003. №277, pp. 87–90.
4. Dolzhenko S.G. Rerezentacija kul'tur v romanah «O divnyj novyj mir» O. Hakslii «1984» Dzh. Orujella [Culture representation in the novels Brave new world by A. Huxley and 1984 by G. Orwell]. *Molodoj uchenyj*. 2015. №9.1, pp. 23–26.
5. Zamjatin E.I. O literature, revoljucii, jentropiii o prochem [On literature, revolution, entropy, etc.]. “Persons”. N'ju-Jork: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodru-zhestvo, 1967. P. 322.
6. Zamjatin E.I. *My [We]*. M.: Sovremennik, 1989. 560 p.

7. Kubrakova E.A. Tipologija hudozhestvennyh obrazov i problema ih perevoda [Typology of fiction imagery and the issue of their translation]. *Novyj filologicheskij vestnik*. 2016. №2(37), pp. 140–155.
8. Lahuzen T., Maksimova E., Jendrjus Je. *O sintetizme, matematike i prochem... Roman "My" E.I. Zamjatina* [On synthetism, mathematics, etc. ... The novel *We* by Y. Zamyatin]. SPb.: Astra-LUX, 1994. 120 p.
9. Menglinova L.B. Apokalipsicheskiy mif v russkoj proze 1920–1930-h godov (E.I. Zamjatin, M.A. Bulgakov, A.P. Platonov) [Apocalyptic myth in the Russian prose of the 1920–1930s (Y.I. Zamyatin, M.A. Bulgakov, A.P. Platonov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. №282, pp. 173–181.
10. Mishankina N.A. Metafora v nauke: paradox ili norma? [Metaphor in science: paradox or norm?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. №3(23), pp. 126–131.
11. Mitchell D. *Oblachnyj atlas* [Cloud atlas]. SPb.: Domino, 2012. 704 p.
12. Jean-Aubry G. Joseph Conrad: life and letters. New York: Doubleday, Page & Co., 1927. 376 p.
13. Huntington J. The H.G. Wells Reader: A Complete Anthology from Science Fiction to Social Satire. New York: Taylor Trade Publishing, 2003. 496 p.
14. Del Rey L. The World of Science Fiction, 1926–1976: The History of a Subculture. United States: Ballantine Books, 1979. 416 p.
15. Reeves H. L'Heure de s'enivrer: L'univers a-t-il un sens? Paris: Broché; Seuil edition, 1992. 278 p.
16. Wells N. The Invisible Man. London: Penguin Books, 2002. 192 p.

ДАнные об авторах

Долженко Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания

*Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
svetladol@bk.ru*

Корбан Павел Александрович, студент 5 курса социально-гуманитарного факультета

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

johnysunny123@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dolzhenko Svetlana Gennadyevna, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Philology, Culture, and their Teaching Methods, PhD in Philology

P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute, Tyumen State University Branch

1, Lenin Str., Ishim, 627750, Russian Federation

svetladol@bk.ru

Korban Pavel Aleksandrovich, 5th-year Student of Social-Humanitarian Faculty

P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute, Tyumen State University Branch

1, Lenin Str., Ishim, 627750, Russian Federation

johnysunny123@gmail.com